

УДК 821.161(091)

О «РУССИЗМЕ» ДЕРЖАВИНА: РЕЧЬ ПРОФЕССОРА КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТА К.К.ФОЙГТА ПРИ ОТКРЫТИИ ПАМЯТНИКА Г.Р.ДЕРЖАВИНУ 23 АПРЕЛЯ 1847 ГОДА

© М.М.Сидорова

В статье находит освещение вопрос, связанный с попыткой профессора Казанского университета К.К.Фойгта (1808-1873) оценить «литературное значение Державина». Будучи немцем по происхождению и профессором Казанского университета во втором поколении, Фойгт определяет принадлежность поэтического наследия «нашей гордости» к особому литературному направлению – руссизм.

Ключевые слова: русская литература, Г.Р.Державин, К.К.Фойгт, Казанский университет.

23 апреля 1847 года в Казани состоялось важное культурное событие – был открыт памятник Г.Р.Державину. На состоявшемся по этому случаю торжестве выступил с речью профессор Казанского университета и его проректор К.К.Фойгт. Во вступительной части речи Фойгтом с воодушевлением были произнесены слова: «Казань – родина Державина: вот наша гордость, наше право, предпочтительно пред другими городами счастливой империи» [1: 5].

Парадоксально, с одной стороны, что эти слова и мысли принадлежат немцу по происхождению, и закономерно – с другой, потому что характеризуют одно из высочайших качеств интеллигенции – способность к национальной идентичности. Карл Карлович Фойгт (1808-1873) – доктор философии и профессор кафедры истории русской словесности в 1840 – нач.50-х гг. XIX столетия, более четверти века беззаветно служил Казанскому университету в роли его преподавателя, ученого, администратора, библиотекаря, историографа.

Связь Карла Карловича Фойгта с Казанским университетом во многом определилась обстоятельствами его жизни. Его отец – Карл Готлиб Фойгт, выпускник Лейпцигского университета и профессор философии, прибыл в Казань в 1808 г. в числе первых приглашенных для службы в университете немецких профессоров.

В 1810 г. Карл Амвросиевич умер, и мать, Елизавета Карловна, кстати, правнучка знаменитого математика Л.Эйлера и воспитанница Смольного монастыря, через два года вдовства вступила во второй брак с ординарным профессором анатомии и первым ректором Казанского университета Иваном Осиповичем Брауном.

В 1818 г. после смерти отчима, сыгравшего серьезную положительную роль в образовании мальчика, Карла определили в Казанскую гимназию. В 1823 году 15-летним юношей он поступил

в Казанский университет на отделение словесных наук, где прослушал «кроме общих положенных предметов, еще арабский и персидский языки с добавочными к ним отделами – мусульманской нумизматикой, историей арабской литературы и историей персов, которые читал профессор Эрдман на латинском языке» [2: 3].

Три года спустя Карл Карлович Фойгт окончил Казанский университет со степенью кандидата, после чего был определен в 1-ю Казанскую гимназию преподавателем персидского языка. Он находился в этой должности до 1848 г., совмещая ее в будущем с многотрудными обязанностями профессора университета.

В 1828 г., сверх должности преподавателя в гимназии, Фойгт был назначен помощником библиотекаря Казанского университета. Самим библиотекарем в это время был Николай Иванович Лобачевский, не только известный всему миру математик и ректор Казанского университета, но и его библиотекарь в 1825-1835 гг. Лобачевский высоко ценил своего помощника, и 9 февраля 1835 г. предложил избрать его библиотекарем, поступаясь существующим положением устава о том, что должность библиотекаря университета может исполнять только ординарный профессор. Так Фойгт был утвержден исправляющим должность библиотекаря, а в 1837 г. – библиотекарем; им он оставался до января 1850 г., вплоть до своего отъезда из Казани. На этом поприще Фойгт создаст труд, который сделает его одной из важных фигур в истории русского библиотечного дела – «План расположения библиотечных дел – «План расположения библиотечных дел, с исторической запиской о главнейших библиографических системах», – одну из первых в России библиотечно-библиографических схем классификации наук. В 1852 г. этот труд будет одобрен Императорской Санкт-Петербургской Академией Наук, и по нему в последующие годы

составлены каталоги – документальный и систематический.

К.К.Фойгт стал и одним из первых историографов Казанского университета. В 1844 г. он составил по поручению попечителя Казанского учебного округа М.Н.Мусина-Пушкина, обширный труд-отчет за 17-летнее управление последнего учебным округом. Это огромный, почти 500-страничный труд, в мельчайших деталях отражающий жизнь Казанского университета с 1827 по 1844 гг. В 1852 г. вышла из печати другая историко-статистическая работа Фойгта – «Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 гг». В 1845 г. Фойгт составил точный документальный каталог университетского минц-кабинета, с включением обширного отдела восточной нумизматики.

Что касается преподавательской службы Фойгта в Казанском университете, то началась она в 1833 г. с чтения лекций по немецкому языку. Через полгода по заявлению ректора университета Н.И.Лобачевского, совет предложил ему «чтение общей литературы» (так назывался тогда курс зарубежной литературы), но с условием представления диссертации по этому предмету. Предложение было принято с благодарностью, и через год после представления сочинения: «Исторический взгляд на сатиру у важнейших древних и новых народов» Фойгт был избран советом университета в звании адъюнкта при кафедре русской словесности, с возложением на него преподавания истории общей литературы.

В 1838 году им была защищена диссертация «Об историческом значении эпопей у древних и новых народов», что позволило в начале 1839 года быть утвержденным доктором философии, а несколькими месяцами позже в звании экстраординарного профессора.

П.И.Мельников-Печерский, в будущем известный писатель, а тогда студент Казанского университета, с восторгом вспоминал о лекциях Фойгта по общей литературе: «... это не была простая история литературы; нет, весь древний классический мир предстал перед нами на лекциях Фойгта. Он всесторонне изобразил нам жизнь эллинов и римлян до мельчайших подробностей» [3: 186].

В следующем 1840 г. Фойгт возглавил кафедру русской словесности и стал читать кроме истории общей литературы еще историю и русской литературы. Сложно сказать, какими были эти лекции, но дабы не погрешить против истины, все же приведем воспоминание одного из студентов – И.И.Михайлова: «К.К.Фойгт был че-

ловек очень ученый и замечательный лингвист. Он читал историю литературы, но надобно сказать, что лекции его по этому предмету, написанные со времени принятия им этой кафедры, несмотря на свою полноту, были слишком сухи. У него было слишком много других должностей, так что он не имел времени их улучшать...» [4: 55].

Последнее было весьма справедливо. Независимо от прямых обязанностей, сопряженных со званием профессора, члена совета университета, и его библиотекаря, Фойгт был назначен членом экзаменационного и педагогического комитетов, после чего в его обязанность стало входить рассмотрение сочинений и речей учителей Казанского учебного округа историко-филологического содержания, упражнений и «литературных бесед» учеников VI и VII классов всех гимназий и дворянских институтов округа на русском, латинском, французском и немецком языках (число первых составляло ежегодно примерно 5; число последних от 1500 до 2500 работ).

Помимо службы в университете и гимназии Фойгт был первым инспектором классов основанного в 1841 г. в Казани Родионовского института благородных девиц, где с 1845 г. преподавал историю общей древней и средневековой литературы и составил программы по многим предметам. Таким образом, Фойгт много и неустанно занимался методической работой. Собственно методический характер носит и часть опубликованных им работ: «Наставление учителям словесности в гимназиях Казанского учебного округа, при практических упражнениях учеников» (1843), «Опыт системы теории поэзии в применении к гимназическому курсу» (1866), «Записка о гимназических пансионах» (1863).

Так, рождение в семье профессора, приехавшего в Казань, учеба в Казанском университете и последующие 26 лет безраздельного служения ему сделали Фойгта, по словам одного из его учеников, «вполне русским человеком», несмотря на «свои нерусские корни» [5: 59].

В 1852 г. Карл Карлович Фойгт будет назначен ректором Императорского Харьковского университета, в 1856 г. станет помощником попечителя, а в 1859 г. попечителем Харьковского учебного округа. В 1868 г. займет пост члена совета министра народного Просвещения и Председательствующего в Ученом комитете Министерства. Его роль в истории российского образования бесспорно значима и почетна. Этого нельзя сказать о месте Фойгта в истории русского литературоведения. Между тем, его историко-литературное наследие любопытно.

В список исследований К.К. Фойгта по русской литературе можно включить две его работы: «Мысли при чтении сказки Жуковского «О сером волке»» и «Речь при открытии в Казани памятника Г.Р.Державину, произнесенная 23 апреля 1847 года».

В неслучайно представленном в данной статье биографическом контексте Фойгта большой интерес представляет последняя из названных работ. Не столько потому, что в ней дана целостная характеристика творчества Державина и определены основные темы, идеи, особенности языка и стиля державинской поэзии, что само по себе являет любопытный факт казанского литературоведения. Главным образом этот интерес связан с сущностным, глубоким пониманием профессором-немцем основ лирического дарования русского поэта.

Фойгт не ставит своей задачей рассмотреть критически все, что сделано Державиным, и все, что сделано наукой для его понимания («задача сложная и, кажется, неуместная в этот час торжественного настроения» [1: 4]). Он просит позволения «выступить простым рассказчиком, который в сжатом очерке проведет <...> одни главнейшие выводы предшествовавших разысканий, с <...> опытом собственного посильного изучения» [1: 4].

Начиная свое выступление с биографического материала и, безусловно, подчеркнуто подробно останавливаясь на фактах, связанных с казанскими корнями поэта, автор последовательно переходит к размышлениям об общем «историческом» и «литературном» значении Державина.

Тема, которую варьирует Державин как лицо историческое, подчеркивает оратор, есть «жизнь России во всех ее фазах, жизнь государственная, общественная и частная» [1: 36]. Для поэта она немыслима без идеи самодержавия и Бога.

Не менее важная, трудная и «досель возбуждающая много противоположных воззрений задача» – осмыслить литературное значение Державина.

Следуя методологии литературоведческого исследования, ученый рассуждает о том, что высший процесс, которому следует искусство, составляется из трех коренных элементов или стадий: формирования идей, создания образов и воплощения их в форму. Лишь органическое слияние этих элементов рождает подлинное искусство и «каждый художник в отдельности обязан строгим отчетом в достойном выполнении этих высших неизменных законов» [1: 55].

В какой же степени Державин выполнил эти строгие требования? – задается вопросом оратор. В какой степени усвоил он себе идеи предшест-

вовавшего и современного общества? Какие самобытные образы создал он, и подчинился ли ему материал языка, тогда так мало обработанного?

Идеи, которые развивает Державин (эту мысль автор повторяет неоднократно), – это идеи «истины, добра и прекрасного». Они воплотились в то, что весь мир, видимый и невидимый, быт государственный и общественный, явления природы и движения человеческого сердца, – все ему знакомо, везде он побывал, на все взглянул *своим* [здесь и далее курсив автора – М.С.] взглядом, обо всем сказал *свое* меткое слово. «Он является пред нами то вдохновенным жрецом, посвящающим вас в тайны заоблачного мира, то верховным судьей, изрекающим приговоры над великими земли, то мудрецом, утопающим в созерцание естества, то – просто человеком» [1: 67]. Эти любимые идеи Державина облекаются в образы, которые часто новы, неожиданны и величественны.

А что касается формы, то здесь, говорит оратор: «Выражусь прямее: формализм языка и слога Державина грешит часто, очень часто; но как скоро истинное вдохновение овладевает поэтом, он и в своей неправильности изумляет вас такими полными, сильными, скажу даже мелодическими звуками, из-за которых неприметно скользишь над той или иной фразой; он из забытого архива извлекает такие обороты и выражения, которым радуешься, как драгоценной находке, которые усваиваешь себе как давнишнюю закономерность» [1: 77-78].

Но самым главным в творчестве Державина ученый немецкого происхождения считает то, что в лирическом даровании Державина – разнобразном, многообъемлющем, восприимчивом – отразилась вся русская натура, все фразы и оттенки Русского духа, все переливы Русского голоса, переливы смеха и плача, укора и наставлений, восторга и набожности – одним словом, все тоны лирики.

Фойгт определяет Державина как поэта не мысли и чувства, а как поэта фантазии, которая не знает никаких преград и которая не вписывается ни в одно из существующих направлений. Какому направлению вообще следует его поэзия, руководимая этой фантазией? – задается вопросом ученый и пытается определить его. «Символизм преобразился в мистицизм и бездушную аллегория; классицизм облекся в вычурное убранство; а романтизм растерялся в странных, неясных грезах. Слава Богу! Заблуждение понято, и заметно вырабатывается уже новая эпоха, которой имя и характер – впереди» [1: 83].

Ученый определяет направление, в которое можно вписать творчество Державина как руссизм: «Державин слил в себе и символизм востока в его очищенном виде – христианстве, и классицизм в его благородном значении, и романтизм в его первоначальном характере – соединении северной мрачности с восточною роскошью красок; одним словом, он выразил собой *руссизм*» [1: 83].

Верность и сила идей, величавость и яркость образов, блеск языка и пылкий всеобъемный лиризм со всеми его настроениями, – вот те безгранично-высокие достоинства, те неотъемлемые права, которые делают Державина поэтом чисторусским и в то же время поэтом вековым и мировым. Таково мнение доктора философии и специалиста по «истории общей литературы». И заканчивает свою речь словами: «<...> далеко не выполнена задача, возложенная на меня вашим доверием: она необъятна, как Русь, которой поэт наш был самым полным выражением» [1: 87].

1. *Фойгт К.К.* Речь при открытии в Казани памятника Г.Р.Державину, произнесенная проректором Казанского университета, ординарным профессором К.Фойгтом 23 апреля 1847 г. / К.К.Фойгт. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1847. – 88 с.
2. *Фойгт К.К.* Биографический очерк / К.К.Фойгт. – Казань: Унив. тип., 1868. – 14 с.
3. Цит. по: *Усов П.* Павел Мельников Печёрский, его жизнь и литературная деятельность / Полн. Собр. Соч. / П.И.Мельников (Андрей Печерский). – М.; СПб., 1987. – С. 3 – 316.
4. *Михайлов М.И.* Университет в 1840-х годах: Из воспоминаний М.И.Михайлова // Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета: Былое из университетской жизни. – Казань, 1904. – С. 50 – 60.
5. *Юсупов Н.* Памяти Андрея Печерского: очерк // Заволжская вивлиофика / Н.Юсупов. – Казань, 1887. – С. 36 – 59.

ON DERZHAVIN'S «RUSSISM»: THE SPEECH OF KAZAN UNIVERSITY PROFESSOR K.K.VOIGT AT THE OPENING OF THE MONUMENT TO G.R.DERZHAVIN ON APRIL 23, 1847

M.M.Sidorova

This article is the first scientific research describing an attempt of K.K.Voigt, Kazan University professor (1808-1873), to evaluate the "literary significance of Derzhavin". As a German-born professor at Kazan University in the second generation, Voigt determines the attribution of Derzhavin's poetic heritage to a particular literary trend – Russism.

Key words: Russian literature, Derzhavin, Voigt, Kazan University.

1. *Fojgt K.K.* Rech' pri otkrytii v Kazani pamyatnika G.R.Derzhavinu, proiznesennaya prorektorom Kazanskogo universiteta, ordinarnym professorom K.Fojgtom 23 aprelya 1847 g. / K.K.Fojgt. – Kazan': Tip. Kazan. un-ta, 1847. – 88 s. (in Russian)
2. *Fojgt K.K.* Biograficheskij ocherk / K.K.Fojgt. – Kazan': Univ. tip., 1868. – 14 s. (in Russian)
3. Cit. po: *Usov P.* Pavel Mel'nikov Pechyorskij, ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost' / Poln. Sobr. Soch. / P.I.Mel'nikov (Andrej Pecherskij). – M.; SPb., 1987. – S. 3 – 316. (in Russian)
4. *Mixajlov M.I.* Universitet v 1840-x godax: Iz vospominanij M.I.Mixajlova // Literaturnyj sbornik k 100-letiju Imp.Kazanskogo universiteta: Byloe iz universitetskoj zhizni. – Kazan', 1904. – S. 50 – 60. (in Russian)
5. *Yusupov N.* Pamyati Andreye Pechyorskogo: ocherk // Zavalzhskaya vivliofika / N.Yusupov. – Kazan', 1887. – S. 36 – 59. (in Russian)

Сидорова Марина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул.Кремлевская, 18.
E-mail: msidorovam@mail.ru

Sidorova Marina Mikhailovna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature and Instruction, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: msidorovam@mail.ru

Поступила в редакцию 10.07.2014